

ВОЗМОЖНОСТЬ ТЕХНИКИ : ВЗГЛЯД ИЗ ЛАВРЫ И ГОЛОС ИЗ МАРБУРГА*¹

Павленко А.Н.

“Историческая задача техники – сознательно
продолжить свое органопроецирование,
исходя из решений, даваемых
бессознательным телостроительством души”

(Павел Флоренский)

Ob wir Künftigen das Ohr haben für den Klang
des Anklangs, der in der Vorbereitung des anderen
Anfangs zum Klingen gebracht werden muß

(Martin Heidegger)

ВВЕДЕНИЕ

Среди специалистов по истории русской философии часто можно услышать – когда речь заходит о философских взглядах отца Павла Флоренского и Мартина Хайдеггера – что они совершенно разные мыслители, и не то что близкого, а даже философски похожего у них ничего нет. Поэтому в этой работе ставится задача показать, что существенное подобие их взглядов, по теме вынесенной в заглавии, есть не надуманное “соединение несоединимого”, но некоторым образом реальная данность. Хотя сразу следует оговориться – у о. Павла с Мартином Хайдеггером было, безусловно, много различий. Их можно было бы долго перечислять, однако в первую голову меня интересует другое: их общность, а точнее – общность философская².

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 03-03-00342а

¹ Предвидя возможное возражение о том, что многие воззрения на технику отца Павла были публично высказаны не в период его пребывания в Лавре, а гораздо позднее, т.е. после 1918 г.; равным образом и многие философские работы Хайдеггера о технике были написаны после его пребывания в Марбургском университете (с 1923 по 1928 г.), скажу следующее: как мыслитель о. Павел сформировался в Троице-Сергиевой Лавре, это бы можно принять за непреложный факт, равно и Мартин Хайдеггер как самостоятельный философ сформировался окончательно в Марбурге – за веку можно взять год появления “*Sein und Zeit*” (1927). Следовательно о. Павла Флоренского, без ущерба для истины можно считать “человеком Лавры”, а Мартина Хайдеггера, с некоторой долей условности, – “марбургским мыслителем”.

² Необходимо отметить, что на близость некоторых воззрений (например, понимания природы времени) о. Павла и Мартина Хайдеггера уже обращал внимание Арсений Владимирович Гулыга. См.: Гулыга А.В. Эстетика в свете аксиологии. Пятьдесят лет на Волхонке. СПб.: Алетейя, 2000. С. 41.

Подобие философских взглядов о. Павла и М. Хайдеггера прежде всего обнаруживается в той области, которая составляет *соль* всякой философии – учение о бытии, понимание основных “фигур” бытия. Поскольку изложение онтологий обоих мыслителей в полном объеме здесь неуместно – заявленная тема связана только с “возможностью техники” – то я ограничусь демонстрацией зависимости появления и существования “техники” от утверждения определенного типа онтологии. *Бытие и техника или “бытие техники” у Флоренского и Хайдеггера – вот что составляет собственный предмет настоящей работы.*

Действительно, о технике в XX в. было сказано столько, сколько никогда “до” и вероятно уже никогда “после”. Просто потому, что сущность техники открывают, как Америку, “один раз” и навсегда. Кто же был этим открывателем?

Сущность техники – ее бытийную основу – открыли в XX в. одновременно и независимо друг от друга два человека: русский богослов и философ отец Павел Флоренский³ и немецкий философ Мартин Хайдеггер. Речь идет именно об открытии *сущности*, а не о многообразии “форм” проявления техники, предпосылках ее осуществления и т.д. и т.п. Об этом и до них глубоко и интересно говорили и писали многие из нововременных авторов.

Одна из первых попыток понимания места техники в жизни новоевропейского человека принадлежит Ж.Ж. Руссо⁴. Непреходящий интерес по обсуждаемой теме представляют также взгляды одного из основателей европейского экзистенциализма Федора Михайловича Достоевского⁵. К критике технического человека обращались Ф. Ницше, О. Шпенглер⁶ и др.

Однако помимо общих “размышлений о технике” в последней четверти XIX и первой четверти XX происходит настоящий всплеск аналитических исследований по данному вопросу. Существенная доля этих исследований приходится на Германию, тогдашнюю столицу ученого мира. Среди наиболее значительных работ этого периода можно назвать работы Эрнста Каппа⁷, Теодора Бауэрле⁸, Фридриха Дессауэра⁹, Манфреда Шрёте-

³ Надо сказать, что о достижениях Хайдеггера в этих вопросах написаны сотни, если не тысячи работ, о них знает любой “профессиональный” философ, в то время как достижения Флоренского в области философии техники рассматривают обычно как “весьма оригинальный ход” в русской философской мысли, тем самым приклепая их к доске объявлений, на которой они соседствуют с “софиологией”, “имяславием” и др., чем, фактически, отказывается этому достижению в общезначимости.

⁴ См.: Ж.-Ж. Руссо “Размышления о науке и искусстве”, “Размышления о происхождении и основании неравенства”.

⁵ См., например: Достоевский Ф.М. Записки из подполья. Ч. I: Подполье, гл. VII.

⁶ См.: Spengler O. Der Mensch und die Technik. München, 1931.

⁷ См.: Капп Е. Grundlinien einer Philosophie der Technik. Braunschweig, 1877.

⁸ См.: Bäuerle Th. Technik und Volkserziehung. B., 1917.

⁹ См.: Dessauer F. Philosophie der Technik: das Problem der Realisierung. Bonn, 1928.

ра¹⁰ и некоторых других. Теме техники уже посвящают доклады на международных философских конгрессах. Именно с темой “Философия техники” на Международном философском конгрессе в Бонне в 1911 г. выступает наш соотечественник – московский инженер Петр Кондратьевич Энгельмейер¹¹. После этого выступления, в 1912–1913 гг., выходит его объемная работа с аналогичным названием. Сам Энгельмейер отмечает, что на конгрессе его поддержали Эрих Кюльпе, Э. Бутру, А. Бергсон, О. Кюльпе и Эрнст Мах, причем, по признанию самого Энгельмейера, последний говорил о “философии техники” задолго до его доклада.

Как видно из одного только названия работ, не “технические достижения”, не “технологии”, но именно *философия техники*, со смысловым ударением на первом слове, становится нервом интереса к самой технике не только у философов, но у самих техников (инженеров), культурологов, богословов и ученых. Люди начинают задумываться над тем, что техника не может быть упрощенно сведена к одним только “материально-техническим изделиям” – продуктам человеческой деятельности.

Однако названные и неназванные¹² исследователи техники в подавляющем большинстве случаев демонстрировали либо свое безоговорочное признание роли техники и ее выдающееся значение в истории культуры (мнение того же Энгельмейера), либо свое *неприятие* “техники”, а поэтому носили *некритический*, или, наоборот, преимущественно *критический* характер. Метафизическая же задача заключается не просто в том, чтобы *восхищаться* или *критиковать*, а в том, чтобы понять сущность процесса или явления. Вот в этом они, с моей точки зрения, уступали и Флоренскому, и Хайдеггеру¹³.

Что же в данном случае означает сущность? Под сущностью принято понимать такое качество или свойство объекта, которое является основным, т.е. без этого качества (свойства) данный объект существовать “как именно этот объект” *не может*. Сущностью чаши, говорил Платон, является “чашность” – возможность данного предмета быть пригодным для питья. Сущностью техники, в таком случае, должно быть такое ее (качество) свойство, кото-

¹⁰ См.: Schröter M. Philosophie der Technik. В., 1934.

¹¹ До этого, в 1898 г., он уже опубликовал работу под названием “Технический итог XIX века”.

¹² В качестве прекрасной обзорной работы можно рекомендовать книгу Гвидо Шнеллманна “Теология и техника”: Schnellmann G. Theologie und Technik// Grenzfragen zwischen Theologie und Philosophie. Köln; Bonn, 1974. Bd. 21.

¹³ Интересно, что на эту же черту “освобождения от голого критицизма” в работах Хайдеггера обращают внимание Г.М. Тавризян (См.: Тавризян Г.М. Техника, культура, человек. Критический анализ концепций технического прогресса в буржуазной философии XX века. М., 1986. С. 118–119.) и Витторио Хёсле (См.: Хёсле В. Философия техники М. Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С. 139–140.

рое бы позволило выявить ее специфику и отличить технику от всего остального – “нетехники”. Но для того чтобы попытаться реконструировать открытие сущности техники – а реконструкция появления мысли и есть собственно историко-философская задача – необходимо установить *онтологическую основу* этой сущности. Например, когда мы говорим, что сущностью “табуретки” является ее способность “быть использованной для сидения”, то тем самым мы фактически отвечаем на вопрос “Как возможна табуретка?”. Ведь зная ее сущность, но, допустим, никогда не видя ее до этого, мы можем в соответствии с пониманием этого ее воспроизвести – сознательно сделать.

Таким образом, перед философами стояла задача – ответить на вопрос “Как возможна техника?”. Если они находили ответ на этот вопрос, значит, они проникали в существо техники. Исторически первой попытка такого проникновения была осуществлена о. Павлом Флоренским в 1917–1924 гг.

ЧАСТЬ I. ВЗГЛЯД ИЗ ЛАВРЫ

1.1. В ОБОСНОВАНИЕ “ВЗГЛЯДА”

Отец Павел не раз подчеркивал свою принадлежность к людям теоретического склада. Он и был *теоретик*, в том буквальном и высоком смысле этого слова, когда *умное видение* мира является чем-то более важным, чем его голое чувственное восприятие. В этом *умном видении о. Павла* все собрано воедино: и увиденное-”вид”, понятое как эйдос, и способ такого схватывания – “взор”, и видение особым взглядом – умо-зрение, и первородство “вида” и “взора” перед всем остальным. Можно было бы сказать без утраты истины: *дело о. Павла* – донести до людей открывшееся его взору, в данном случае – донести открывшуюся ему сущность техники.

1.2. ОНТОЛОГИЯ о. ПАВЛА

Понимание бытия о. Павлом всецело вытекает из его жизнеутверждающего мирозерцания. Бытие есть разом и вся данность мира, вместе с человеком в нем, и состояние этой данности – *живая реальность*. Человек даже не “погружен” в бытие, он не “в” бытии, он есть само *свидетельство* бытия. Отсюда его обращенность к античности и средневековью в “Обратной перспективе”¹⁴. Для античного человека характерно “приятие”, “благодарное признание” и “утверждение всякой реальности как блага”. Ведь бытие – это Благо, а Благо – бытие. Средневековый человек также близок этому, ибо также утверждает реальность в себе и вне себя. Поэтому, если *живая реальность* – это благое бытие, то формальная, иллюзионисти-

¹⁴ Флоренский П.А. Обратная перспектива // У водоразделов мысли. М., 1990. С. 59.

ческая ее копия для самой этой реальности – зло. Отсюда следует сущностное понимание реальности:

а) живая реальность по богатству и глубине самой ее живой сущности *полна* собственной “бесконечномерной” полнотой, и поэтому человеческие теории, схемы, концепции – не говоря уже о “системах реальности” – суть искусственные построения схемостроительного ума, призванные в этом же уме и для этого же ума отображать эту реальность;

б) живая реальность как именно *живая* обладает *жизненной силой*, которая движет в себе самой всем, в том числе и человеческим постижением. Человеческое постижение реальности *уже само* есть действие этой силы;

в) поскольку все качества и отношения этой реальности содержатся в ней целокупно, постольку задача человека буквально не придумывать искусственные схемы этой реальности, а *открывать* уже существующее в ней – “естное”.

г) бытие реальности многообразно – имеет разные способы проявления – поэтому разным “сферам” бытия соответствуют разные роды человеческой деятельности: философия, наука, искусство, *техника*, которые в живой реальности взаимопроникают и взаимопереплетаются. Рассмотрим теперь: как *обнаруживается* техника.

1.3. ПРОСТИРАНИЕ БЫТИЯ

Флоренский неоднократно указывал, *что техника есть специфический тип организации пространства*¹⁵, она “изменяет действительность, чтобы перестроить пространство”. Но как техника может перестроить пространство? Мы давно привыкли верить тому, что “техника” может перестроить “дом”, “мост”, “дорогу”, но – пространство? Это выглядит непонятно и почти загадочно. Мы также со школьной скамьи уверенно знаем, что все вещи мира “*помещены*” в пространство: дома, люди, воздух, океан. От самого огромного – Космоса до самого маленького – частицы: *все находится в пространстве!* Это наше *самоочевидное* убеждение, в действительности, покоится на одном единственном *неочевидном* краеугольном камне – ньютоновском понимании природы пространства: “про-

¹⁵ “Вся культура, – говорит о. Павел, – может быть истолкована как деятельность организации пространства. В одном случае, это – *пространство наших жизненных отношений, и тогда соответственная деятельность называется техникой* (курсив мой. – А.П.). В других случаях, это пространство есть пространство мыслимое, мысленная модель действительности, а действительность его организации называется наукою и философией. Наконец, третий разряд случаев лежит *между* первыми двумя. Пространство или пространства его наглядны, как пространства техники, и не допускают жизненного вмешательства – как пространства науки и философии. Организация таких пространств называется искусством” (Свящ. Павел Флоренский. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии // Собр. сочинений. М.: Мысль, 2000. С. 112).

странство есть вместилище”. Отец же Павел предлагает совсем другое его понимание, согласно которому пространство не есть вместилище, подобно *вселенскому амбару*, в котором Бог размещает *вселенскую утварь*. В понимании о. Павла *пространство* – это силовое *поле деятельности*. Он говорит, что техника – равно как наука, философия и искусство – образует “силовое поле”¹⁶, которое-то и искривляет пространство. Однако недоумение здесь может еще больше увеличиться, ибо для читателя Флоренского может – и должно! – остаться непонятным, как, например, “молоток”, “подъемный кран” или, допустим, “кофемолка” могут искривлять пространство. Каждый, кто видел эту “технику” (эти технические инструменты), никогда, находясь в здравом рассудке, не наблюдал ведь никаких “искривленных ими пространств”!

Так как же и в каком смысле техника – любое ее “приспособление”, используя термин о. Павла, – может искривлять пространство? Чтобы удовлетворительно ответить на этот вопрос – необходим радикальный отказ от *самоочевидности* ньютоновских представлений о пространстве. Для переключения на другое понимание и восприятие пространства необходимо рассмотреть пример – какое-нибудь “действие в пространстве”. Флоренский предлагает рассмотреть “жест”, обыкновенный жест, совершаемый, например, человеческой рукой. Он говорит: “Жест образует пространство, вызывая в нем натяжение и тем искривляя его”¹⁷. То есть “жест” как таковой является *источником и причиной* искривления пространства. Но возможен и другой подход, говорит о. Павел: “Когда натяжениями от жеста особая кривизна пространства в данном месте *знаменуется*. Она была уже здесь, предшествуя жесту с его силовым полем. Но это незримое и недоступное чувственному опыту искривление пространства стало заметным для нас, когда проявило себя силовым полем, полагающим в свой черед, жест” (курсив мой. – А.П.)¹⁸. В этом случае, жест выступает уже не “источником” искривления пространства, а его *следствием, знамением*. Именно этот последний подход более “уместен”, по мнению о. Павла, для объяснения сущности техники. Можно сказать, что “техника”, равно как и “жест”, только вызывает, проявляет, я бы сказал – *обнаруживает* искривление пространства. Ведь “техническая” кривизна пространства, “была уже здесь, предшествовала жесту с его силовым полем”¹⁹.

Отнесясь к интересующему меня ракурсу рассмотрения проблемы скажу: бытие уже тотально и целиком содержит все *прописи* всех “жестов”. Человек лишь обводит эти *онтологические прописи*, с той или иной степенью точности. Употребление термина “пропи-

¹⁶ Там же. С.113.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

си” покажется уместным тем более, если мы внимательнее присмотримся к любому виду *действительного человеческого творчества*: действительный художник – мне не раз приходилось это слышать от самих художников – лишь обводит своей рукой *уже присутствующий перед ним*, но невидимый для посторонних контур его рисунка; действительный поэт – хорошо бы вспомнить создание “Евгения Онегина” А.С. Пушкиным – только “*записывает*” *уже присутствующие* в его сознании *строки*; действительный композитор – хорошо бы вспомнить последние сочинения Людвиг ван Бетховена – только “*фиксирует*” *уже присутствующую* в нем *мелодию*.

Итак, в культуре “производимое изменение действительности может толковаться и как причина организации пространства, и как следствие наличной уже организации”²⁰. Технические творения тогда – “это места особых искривлений пространства, неровности его, узлы, складки и т.д., а силовые поля – это области постоянного подхода к этим наибольшим и наименьшим значениям кривизны”²¹. Поэтому те приспособления, которые строит техник ... только “знаки этих складок и вообще искривлений”²².

Обнаружение “складок” пространства было для Флоренского не результатом иллюзионистической деятельности ума человека, но *именно открытием – объявлением самого бытия*. Вновь появившееся техническое творение объявляет, тем самым, не только свое собственное появление, но манифестирует отворение бытия. Бытие словно чреватая пустота разверзается для обнаружения технического произведения.

1.4. “ОТКРЫТОСТЬ” ТЕХНИКИ

1. Главный вывод о. Павла таков: техник, равно и любой деятель культуры, “ставит межевые столбы, проводит рубежи, и этой деятельностью *открывается* существующее, а не полагается человеческим произволом” (курсив мой. – А.П.)²³.

Отец Павел неоднократно подчеркивал основательность этой установки. Техник *именно открывает, а не создает*, т.е. не творит по своему произволу. Это не значит, что все, что “очерчивает” техник, обязательно соответствует действительной силовой линии искривления. Крупнейшим техническим достижениям – появлению автомобиля, самолета, ракеты и др. – как правило предшествовала полоса технически неудачных решений или в соответствии с подходом о. Павла – неверно обведенных контуров искривленного пространства.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 114.

²² Там же.

²³ Там же.

2. Такое понимание сущности техники есть ее *реалистическое* понимание. Ему противостоит субъективистский, иллюзионистический взгляд на технику и культуру вообще.

Нетрудно увидеть в объяснении отца Павла стремление “поднять” пространство до бытия, и если не отождествить с ним, то *опространствит* бытие, “наполнить” его особым *пространством* (или различными пространствами), раскрыть, *отворить бытие пространством*²⁴.

3. Бытие у Флоренского *простирается*. Это антично-русская “фигура” мысли. В этом бы можно было увидеть и стремление о. Павла придать бытию-пространству черты одушевленности, ведь его силовое поле как раз и “обнаруживает живую реальность”. За каждой “складкой” и “узловой точкой” реальности, с ее обратной стороны – живое силовое поле. Но жизнь ведь предполагает *душу*, которая и составляет ее сущность. Однако доведение этой цепочки рассуждений до ее логического по форме и античного по духу завершения было невозможно по понятным причинам²⁵.

Итак, роль человека в этом бытии-пространстве будет заключаться не в том, чтобы изобретать *свооголовые* технические *поделки*, а в том, чтобы должным образом “очерчивать” контуры *уже присутствующей в бытии-пространстве* данности: невидимое делать видимым!

Тогда получается, что техника – это не просто инструменты, “придуманные” и созданные человеком для управления и оперирования миром, а его особый *путь в бытии*²⁶. Они все – феномены этого пути. Сам же технический путь – есть “Человек”. “Техника, – говорит о. Павел, – может и должна провоцировать биологию, как биология – технику. В себе и вообще в жизни открываем мы еще неосуществленную технику; в технике – еще не исследованные стороны жизни. Линия техники и линия жизни идут параллельно друг другу...”²⁷ Интересно, как бы на этот пассаж о. Павла отреагировали современные борцы с программой “клонирования”?

²⁴ Что это за пространство – “мыслимое пространство” в терминологии о. Павла – я подробнее рассмотрю в разделе о Хайдеггере.

²⁵ Недаром ведь о. Павел называет себя “последним эллином”.

²⁶ Такое *ремесленное* по своей сути понимание назначения техники даже сегодня – т.е. спустя почти столетие после открытия сущности техники о. Павлом в России – остается весьма распространенным. Его сторонники полагают, что техника – любое техническое изделие как “продукт человеческой и только человеческой деятельности”, есть “инструмент”. Как видно из описанного подхода о. Павла “инструментальное понимание природы техники” неверно как минимум в двух отношениях. Во-первых, если технику понимать как *обнаружение уже* искривленного пространства-бытия, то она не есть “*результат-продукт*” человеческой деятельности в собственном значении термина “продукт”. Во-вторых, если техника нам дана-открыта, то она никак не может быть “нейтральным инструментом”.

²⁷ *Свящ. Павел Флоренский. Органопроекция // Соч.: В 4 т. М., 2000. Т. 3 (1). С. 421.*

Нетрудно догадаться, что корни такого понимания “объ-явленной” природы техники коренятся в платонизме о. Павла. Мир, в котором подлинным существованием обладают не сами изменчивые вещи, но их *прообразы* – *идеи*, не мог и не может быть порождением человека. В “Органопроекции” (1917), понятие которой заимствуется у Эрнста Каппа, о. Павел прямо указывает, что прообразы технических изделий и даже самих органов – суть идеи в душе²⁸. Колесо, ткацкий станок, ветряная мельница, ротор турбины суть лишь вещественные “облачения” соответствующих идей. Человек не в силах “создать” сами идеи. Наоборот, они самочинно и добровольно “приходят ему в голову”, не спрашивая на то его позволения. Об этом же чуть позднее скажет и Фридрих Дессауэр²⁹.

У Флоренского, как у математика по духу, идеи обретают геометрическое наполнение – становятся “узловыми точками”, “узлами” и “складками” пространства. Здесь нет необходимости специально указывать на то, что в ткань философских рассуждений о. Павла вплетены идеи – о них мы скажем ниже – и терминология математики. У Платона в “Тимее” весь подлинный мир соткан из гармонических пропорций и созвучий. У Флоренского – с поправкой на эпоху и распространенность неевклидовых представлений – из искривлений пространства. Числа пифагорейцев и Платона – *телесны, тела* в живой реальности у о. Павла – *геометричны*, и в этом смысле “численны”. Отец Павел учитывал достижения в физике своего времени и как живой человек не мог не находиться под влиянием ее новейших теорий, в частности программы геометризации физики. “Строение пространства, – говорит о. Павел, – есть *кривизна* его, а силовое поле вещей – совокупность *сил* данной области, определяющих своеобразие нашего здесь опыта”³⁰. Удачно осуществленная в общей теории относительности (ОТО) – выражении гравитационного взаимодействия через искривление пространства – эта программа, как выяснилось позднее, не смогла быть непротиворечиво применена к электродинамике³¹. Но вместе с тем “геометродинамическая программа” дала мощный импульс для поиска объединительных теорий в физике XX столетия, поиска, который не завершен и по сегодняшний день.

²⁸ “Но было бы ошибочно думать, что это проецирование органа в технику делается нарочито, сознательным расчетом: правильнее видеть в техническом творчестве сознательное использование не готовых, растущих в теле образцов, а идей их, доступных под- или сверхсознательному созерцанию” (Там же). В технике осуществляется “идея-функция”, как ее называет о. Павел.

²⁹ См.: *Dessauer F.* Op. cit. S. 47.

³⁰ *Свящ. Павел Флоренский.* Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. С. 90–91.

³¹ Подробнее см.: *Мизнер Ч., Торн К., Уилер Дж.А.* Гравитация. М., 1977.

1.6. ТЕХНИКА С АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Техника *размерна* человеку. Не только дорийская и ионическая колонны – имевшие мужские и женские пропорции соответственно – были человекообразной копией, не только коленчатые системы передач движения, не только краны, блоки, но и самые современные “компьютерные технологии”, являются в своей сущности человекообразными. Техника, согласно Флоренскому, это не вещи и прежде всего не вещи, но определенным образом *организованная “деятельность”*.

Человек “рисует” технические произведения, обегая, словно пунктирной линией, контуры уже данно-наличного в бытии. Но, обводя контуры, человек тем самым “определяет пространство” и в этом смысле *изменяет его*.

Техника производит изменения пространства так, что *проявляет* эти изменения в фотографическом смысле. Уплотненное бытие (узловые точки) – негатив, – спроектированное на “бумагу”-деятельность, дает изображение. Роль техники-деятельности – сделать снимок как можно контрастнее и ярче. Мастер-техник не творит ни пространство, ни его рисунок, он лишь участвует в его “фотографическом” проявлении. Следовательно, человеческая техника есть не его исключительная способность, но скорее *вынужденная* потребность.

Не организуя пространство, человек не выживет. В “Органопроекции” о. Павел, ссылаясь на мысль М.М. Сперанского, отмечает, что граница человеческого тела – условна. После грехопадения, человек “узнал свою наготу”, т.е. его цельность с *телом окружающего мира* была утрачена. Мир в целом перестал быть *телом* самого человека, в котором не было “места наготы”. В таком случае, *технически прописанное (искривленное) пространство* есть следствие *распадения пространства цельного бытия*³². Можно предположить, что доразделенное пространство (пространство до грехопадения) не содержало технических прописей.

Получается, что техника, техническая деятельность вообще, вменены человеку его сущностью. Распадающееся пространство требует своей организации. Организуя пространство, человек выявляет его складки-искривления. Поэтому любая техническая вещь, например, та же “кофемолка”, и есть, согласно о. Павлу, такая “складка”.

1.7. ИТОГИ ВЗГЛЯДА ИЗ ЛАВРЫ НА “ВОЗМОЖНОСТЬ ТЕХНИКИ”

Так что же открыл в существе техники о. Павел такого, чего не понимали (мимо чего прошли) до него другие? По моему мнению,

³² У Хайдеггера это распадение будет объяснено иначе: через “естественное”, “разрыв”, “озабоченность”.

это следующие существенные стороны техники и предпосылки ее появления:

1. Бытие открывается через данность пространства, вместе с человеком в нем, т.е. через живую простертую реальность.

2. Техника, в своей сущности, есть специфический тип организации пространства этой живой реальности.

3. Пространство – это силовое поле деятельности.

4. Техник не создает новые технические изобретения, а лишь очерчивает уже существующее в мире искривление “технического пространства”. Он именно *открывает* его, а не *конструирует*, т.е. не творит по своему произволу. Открывает то, что уже есть в реальности. Следовательно:

5. Техника – это особый *путь обнаружения бытия, осуществляемый человеком*. Вот тот вывод, который не принимают современные “просветители”, полагающие технику простым нейтральным инструментом. Отсюда исторический парадокс – священник Павел Флоренский поддерживал советскую власть (сотрудничал с ней), которая его затем расстреляла, и был канонизирован церковью, которая считала эту власть откровенно богопротивной. Объяснение этого предельно просто: *жизнь и мысль для о. Павла суть одно!*

Таков был взгляд из Лавры на возможность техники у о. Павла или как он сам резюмирует: “Таково объективное, реалистическое понимание искусства и подобное ему понимание философии, науки и техники”³³.

ЧАСТЬ II. ГОЛОС ИЗ МАРБУРГА

2.1. В ОБОСНОВАНИЕ “ГОЛОСА”

Я намеренно вынес в качестве эпиграфа слова Хайдеггера, сказанные им в “*Beiträge zur Philosophie*”. Наша задача, по его мнению, в том и состоит, чтобы быть готовыми достойно откликнуться на призыв бытия, расслышать то подлинное, которое “*по слышимости*”, т.е. внешне, тонет в “шуме” современной цивилизации, но в то же время неслышно подводит нас к тому, что свершается. Задача поэтому состоит не просто в том, чтобы *слышать* и наконец *у-слышать*, но еще и в том, чтобы быть готовыми к тому, что приходит к господству вслед за *позывом*. Будет справедливо признать, что *голос* самого Хайдеггера – честно и мужественного выстаивания в этом “шуме” – только поможет нам, теперешним, распознавать зовы тех позывов, которые обращены уже непосредственно к нам.

³³ *Свящ. Павел Флоренский*. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. С. 114.

2.2. КОГДА И ГДЕ ХАЙДЕГГЕР “ВПЕРВЫЕ” ОБРАЩАЕТСЯ К ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ?

Прежде чем приступить к анализу понимания сущности техники М. Хайдеггером, необходимо сделать оговорку, касающуюся появления интереса к технике у самого Хайдеггера.

Среди исследователей творчества Хайдеггера принято считать, что интерес к технике, к постановке вопроса о *сущности техники*, появляется не ранее 1936 г., т.е. гораздо позднее времени написания “Бытия и времени”. Так известный издатель и исследователь наследия Хайдеггера – Фридрих Вильгельм фон Херрманн – полагает, что «хайдеггеровская постановка вопроса о сущности техники, искусства и политики имеет свое строго определенное место в истории хайдеггеровской разработки вопроса о бытии. И такое место не связано ни с работой “Бытие и время”, ни с идущей за ней работой “Основные проблемы феноменологии”»³⁴. Аналогичную точку зрения высказывает Дитер Тома. Согласно Тома, до появления работы “Beiträge zur Philosophie” проблема техники еще не тематизирована Хайдеггером³⁵. Дело в том, что, по мнению Тома, понятие Gestell, которым Хайдеггер охарактеризовал технику, первоначально употребляется для объяснения искусства и лишь затем применяется к технике³⁶. До 1936 г., по мнению Тома, Хайдеггер был безразличен к проблеме “техники”.

Точка зрения Херрманна и Тома на хайдеггеровское понимание сущности техники верна в своей исторической фактичности. Но это, однако, *не запрещает* рассматривать понимание техники Хайдеггером и в период “Бытия и времени”. Действительно, если к пониманию сущности техники Хайдеггер приблизился в период “Beiträge zur Philosophie”, то это вовсе не означает, что техника как таковая до 1936 г. им вообще не рассматривалась. Так, например, онтологический *исток* техники становится предметом анализа в § 19, 20, 21, 22, 23, а особенно в § 23by “Прологомен”, где Хайдеггер прямо и недвусмысленно обсуждает её природу, объясняет различие в понимании “наличного” и “подручного” и т.д. Но раз сам Хайдеггер (!) в “Прологоменах” это делает, то что же мешает и нам делать это вместе с ним? С другой стороны, мы можем, например, ехать в автомобиле, но *не тематизировать этот процесс* в своем сознании (или на бумаге), но разве от этого мы перестаем в нем ехать?!

Итак, по возможности крайне осторожно прикасаясь к *стройному*, но еще незавершенному зданию “исследований наследия Хайдеггера”, перейдем прямо сейчас к рассмотрению понимания им онтологической основы техники.

³⁴ Herrmann F.W.v. Das Ereignis und die Fragen nach dem Wesen der Technik, Politik und Kunst // Kunst, Politik, Technik: Martin Heidegger. München, 1992. S. 242.

³⁵ См.: Thoma D. Die Zeit des Selbst und die Zeit danach: Zur Kritik der Textgeschichte Martin Heideggers. (1910–1976). Frankfurt a. M., 1990. S. 726.

³⁶ Ibid. S. 728.

2.3. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕХНИКИ У ХАЙДЕГГЕРА

Рассмотрение онтологических основ техники Мартина Хайдеггера я хотел бы начать с его слов, сказанных им в “Европейском нигилизме”: “Человек воспринимает то, что присутствует (пребывает) в круге его восприятия. Это присутствующее заключено как таковое с самого начала в круге доступного, поскольку этот круг есть область непотаенного. Восприятие присутствующего опирается на его пребывание в круге непотаенности.

Мы теперешние, и многие поколения до нас давно уже забыли об этом круге непотаенности сущего, и все равно мы неизменно зависим от него. Мы, правда, воображаем, будто сущее становится нам доступно просто благодаря тому, что наше Я в качестве субъекта получает представление о некоем объекте. Как если бы для этого не требовалось сначала воцарения того *открытого пространства* (курсив мой. – А.П.), внутри открытости которого вещь только и может стать доступной *в качестве* объекта для субъекта, а сама эта доступность – сначала допустить до себя!”³⁷.

Как видим для Хайдеггера мир сущего также как и у о. Павла дан – открыт *внутри пространства*. Однако какого пространства? О каком пространстве идет речь у Хайдеггера? Ясно, что это не физическое и не геометрическое пространство. Я бы сказал – это “бытийное пространство”, пространство особого рода, которое по аналогии так относится к физико-геометрическому пространству, *как эйдос к телу*³⁸. “Бытийное пространство” есть, фактически, эйдетическая субструктура всех других его “наполнений- проявлений”, в том числе и физико-геометрического³⁹. Если не структурировано “бытийное пространство”, то и физико-геометрическое остается пустым.

Так бытие через “бытийное пространство” открывает сущее человеку, делая это сущее непотаенным для него, т.е. *доступным*, но уже в “этом” физико-геометрическом, химическом, техническом и других формах проявления первичного бытийного пространства. Все, что попадает в круг этой растворенности бытия – в его створ, – становится предметом человеческого познания, отображения и конструирования⁴⁰. Но поскольку эта “незатворенность-доступность” дана *обезоруживающе тотально* – она “езде” в человеческом вос-

³⁷ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 263.

³⁸ Конечно, ради исторической справедливости следует оговориться, что Хайдеггер видит в “идеальном мире” Платона только *способ*, каким открылось бытие сущего человеку почти две с половиной тысячи лет назад, тем не менее его собственная позиция – обязанная умеренному платонизму Э. Гуссерля – имеет некоторые общие точки пересечения с платоновской онтологией.

³⁹ Значения вещей, говорит Хайдеггер в “Прологеменах”, “суть бытийная структура мира”. (Хайдеггер М. Прологемены к истории понятия времени. М., 1999. С. 219).

⁴⁰ Об этом же Хайдеггер говорит и в Beiträge zur Philosophie, § 203.

приятии – постольку нововременной человек утратил способность “видеть-осознавать” ее. Сама *данность всего остается потаенной*. Так же точно, например, человек *не видит* воздуха, благодаря которому он способен видеть и дышать, и опять же благодаря чему последний превращается в его сознании из *необходимой данности* в нечто “само собой незаметное”. Будучи условием самого *видения*, он тем не менее *невидим*.

Не удивительно, что эта черта хайдеггеровского подхода в объяснении способа обнаружения техники становится предметом критики Гюнтера Рополя, который полагает, что «Хайдеггер видит решающий фактор техники не в действии, но в “раскрытии”»⁴¹. Отсюда, по мнению Рополя, Хайдеггеру присуще “заблуждение, будто человек не может ничего изобрести, чего бы уже не было самого по себе, независимо от него, что не предшествовало бы еще до всякой человеческой креативности”⁴².

Возвращаясь к основной теме, отметим, что и античный человек ведь не всегда “видел” эту непотаенность бытия. Но он никогда и не полагал, в отличие от нововременного человека, что именно *он* является “причиной” всего сущего, т.е. того, “что” есть, что открыто в круге непотаенного⁴³. Наоборот, “непотаенное” было причиной стояния человека в нем.

Нововременной человек, с точки зрения Хайдеггера, совершает подмену: заменяет бытие как “воцарение открытого пространства” бытием как “воцарением закрытого в себе, представляющего Я”⁴⁴. То, что Хайдеггер называет “воцарением Я”, а о. Павел “перспективизмом и иллюзионизмом”, неприкрыто и откровенно отстаивает Гюнтер Рополь, для которого техническое изобретение есть “первичное, противоприродное произведение человеческого сознания”⁴⁵, достигаемое планирующей комбинацией наличного.

2.4. МЕСТО ТЕХНИКИ В БЫТИИ. ТЕХНИКА КАК СЛЕДСТВИЕ ОЗАБОЧЕННОСТИ ВОТ-БЫТИЯ

В работе “Пролегомены к истории понятия времени”, относящуюся как раз к марбургскому периоду его творчества, Хайдеггер уже ясно и недвусмысленно очерчивает свою позицию в отношении пони-

⁴¹ Рополь Г. Техника как противоположность природы // *Философия техники* в ФРГ. М., 1989. С. 215.

⁴² Там же.

⁴³ Вольфганг Ширмахер очень точно определяет это переворачивание: “Вторая природа состоит из элементов, которые мы же сами и создали”, т.е. Человек не встречает во второй природе никаких “причин”, кроме самого себя. См.: *Schirmacher W. Technik und Gelassenheit. Zeitkritik nach Heidegger*. Freiburg; München, 1983. S. 158.

⁴⁴ Хайдеггер М. Слова Ницше “Бог умер”. М., 1993. С. 212.

⁴⁵ Рополь Г. Указ. соч. С. 216.

мания места техники в человеческом мире. Познание, – полагает Хайдеггер, – отнюдь не главный и не единственный способ связи человека с миром (бытия-в-мире). Следовательно, существуют и другие формы такого бытия-в-мире, среди которых теперь видное место занимает техника⁴⁶. То есть наравне с наукой, искусством и философией, “техника” выступает способом обнаружения бытия сущего. Сам мир открывается человеку (Вот-бытию) так, что всякая данность есть отсылка к этому же Вот-бытию. Отношение *Вот-бытия* к миру носит поэтому характер “озабоченности”. “Бытие к миру” попросту говоря есть “забота” (*Die Sorge*). Забота о пропитании, о продолжении рода, о безопасности, о познании и т.д.⁴⁷.

Человека (Вот-бытие) окружают вещи – “мировость мира”, как называет их Хайдеггер, – каждая из которых встроена в “заботу” и, следовательно, имеет свое назначение (значение). Например, *башмаки* важны не сами по себе, как, например, “Космос” или “Атлантический океан”, а как вещь предназначенная для носки, т.е. для *предохранения* ног человека от повреждения, для *сохранения* тепла. Но не только башмаки, любая вещь в современном мире важна для человека не сама по себе, а как отсылка к чему-то другому. Этим другим и оказывается ее назначение. Назначение вещи сопряжено со “смыслом”, т.е. с ее *значением*. Эти значения вещам приписывает не человек, а наоборот, само бытие, как говорит Хайдеггер, означает себя с помощью человека. “Значения” вещей – как сказал бы наш современник – *объективны*. Поэтому, для современного техничного человека, важны не “вещи”, но отсылки (значения), не субстанции, но функции⁴⁸. Значения вещей – “суть бытийная структура мира”⁴⁹. Следовательно, логика – это наука не столько о мышлении, сколько о бытийной структуре мира, т.е. *онтология*. В этом объяснении сущности “значения” можно было бы увидеть сближение М. Хайдеггера с платонизмом. Косвенно, наличие платоновских мотивов в воззрениях на сущность техники признает и Г. Рополь⁵⁰.

Значение вещей прямо связаны с миром человеческой озабоченности. “Именно озабоченное бытие-в-мире, а не какое-либо стремление к изолированному познанию, устанавливает знаки, и только потому, что мир неотчетливо обнаруживает себя в отсылках”⁵¹. Окружающий человека мир озабоченности называется “миром труда” (*Werkwelt*).

⁴⁶ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. С. 170–172.

⁴⁷ Человек (вот-бытие) существует не “в мире”, а “к миру”. Поэтому “бытие к миру” носит характер озабоченности, оно есть “забота” (см.: там же. С. 175). В “Бытии и времени” Хайдеггер посвящает “заботе” всю шестую главу первой части работы.

⁴⁸ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. С. 209.

⁴⁹ Там же. С. 219.

⁵⁰ См.: Рополь Г. Указ. соч. С. 216.

⁵¹ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. С. 215.

Как возникает мир труда? Откуда его корни? В объяснении его истоков у Хайдеггера отчетливо обнаруживается “античная модулированность” на “естественное”. Действительно, когда рвется естественная связь человека с естественным миром, возникает “разорванность”. Мир обнаруживает себя как “разрыв, пробел этой связи”⁵². Так возникают искусственные заполнители мест разрыва – “технические инструменты” – шире, “техника” как таковая. На эту “фатальность” значения техники для человека обращает внимание и Ортега и Гассет в своих лекциях 1933 г., когда говорит, что “человек без техники, если не придирается к словам, не является человеком”⁵³. Другими словами, техника оказывается вмененной человеку.

Еще Эсхил в “Прометее прикованном” (ст. 446–449) говорил о причине этой разорванности:

Они глаза имели, но не видели
Не слышали, имея уши. Теням снов
Подобны были люди, весь свой долгий век
Ни в чем не смысля.

Но Прометей буквально разрывает природные естественные связи и природное единство человека. Делает человека “зрячим” и “слышающим”, но невероятно дорогой ценой – с этого момента собственно и начинается европейская история как таковая. Сам “разрыв” естественности – причина и начало истории. Следствием этого оказывается необходимость заполнить места “разрыва”: человек теперь “строит солнечные дома из камня” и “научается плотничать”. То есть уже Эсхил, фактически, говорит о существовании техники⁵⁴. Наконец, человек начинает “смыслить”⁵⁵! Зачем же понадобилось строить “солнечные дома из камня”? Хайдеггер дает ответ на этот вопрос.

Поскольку Вот-бытие связано с общественным миром и миром природы, постольку всякое техническое устройство, по мнению Хайдеггера, рассчитано в отношении либо *вредоносности* для человека природного явления, так как оно угрожает, мешает, отказывается служить, оказывает сопротивление, либо его *использования*. Таким образом, первое предполагает “защиту от природы”, а второе – “использование ее”, т.е. превращает природу в источник извлечения *пользы*. В обоих случаях природа рассматривается как нечто *враждебное* человеку.

⁵² Там же. С. 196.

⁵³ *Ortega y Gasset J. Meditación de la técnica. Madrid, 1957. P. 18.*

⁵⁴ Вернер Шадевальд, говоря об индоевропейской основе текр, отмечает, что эта основа появилась рано в тектоп, “строителе” и “плотнике”, уже известном Гомеру. См.: *Шадевальд В. Понятия “природа” и “техника” у греков // Философия техники в ФРГ. С. 97.*

⁵⁵ Не удивительно, что Ф.М. Достоевский в “Записках из подполья” называет сознание европейского человека – болезнью: “Но все-таки я крепко убежден, что не только очень много сознания, но даже и всякое сознание – болезнь” (ч. I, гл. I).

Особенность этой враждебности в нововременном мировоззрении не просто подчеркивается, но гипертрофируется. “Выходя из” природы, освобождаясь от ее опеки, человек с почти юношеским максимализмом готов отказаться ей в ее же родительских правах. Ради своего само-стояния, он готов даже подчинить ее своей власти. Этот процесс в его сознании приобретает черты подлинного *сражения за власть*. Здесь будет уместно привести слова Петра К. Энгельмейера, сказанные им с чисто немецким хладнокровием: “Но ведь научное исследование есть та же война: жертвы не отпугивают победителей и через трупы павших шагают победители”⁵⁶.

Все! Разорванность с естественным наличным вошла в “плоть и кровь” человека. А сегодня – в начале нового столетия – уже и без кавычек⁵⁷. И если исток технического отношения к миру заложен в разорванности целокупности отсылок, то в чем сущность современной техники? Была ли техника всегда “одной и той же” или античная техника существенно отличалась от современной? Античная, вообще доновременная техника – хотя следует сделать исключение для средневековых христианских монастырей – еще только “заполняла” места разрыва естественных связей и в этом смысле носила “оборонительный” и “предохранительный” характер. Нововременная техника (и наука) поддержанная крепнувшим могуществом человека все подчинила тому, что Хайдеггер называет *Machenschaft* и *Gestell*, т.е., стала носить “наступательный” характер.

2.5. ТЕХНИКА КАК MACHENSCHAFT

Смысл имени *Machenschaft* не следует связывать, по мнению Хайдеггера, с обыденным его пониманием как “уловки” “дурного” искусства или с тем, что обозначается словом “машинация”. Это было бы его упрощенное понимание.

Согласно Хайдеггеру, применительно к постановке вопроса о бытии, под *Machenschaft* следует понимать “способ существования бытия” (*eine Art der Wesung des Seins*)⁵⁸. *Machenschaft* – не есть просто дело рук человеческих, это скорее то, *как* это делаемое делается. С помощью *Machenschaft*, говорит Хайдеггер, следует называть то, что “нечто создает само из себя” (*Sich etwas von selbst macht*) и таким образом оказывается пригодным для возникающих нужд. Это *Sich-von-selbst-machen* произошло от *τέχνη* и ее смыслового поля, произошедшего, в свою очередь, от определенного истолкования *φύσις*. Сегодня *Sich-von-selbst-machen* уже само приходит к властному господству⁵⁹.

⁵⁶ Энгельмейер П.К. *Философия техники*. М., 1912. С. 10.

⁵⁷ См.: Павленко А.Н. “Экологический кризис” как псевдопроблема // *Вопр. философии*. 2002. № 7.

⁵⁸ Heidegger M. *Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)* // *Gesamtausgabe*, III Abteilung, Frankfurt a. M. 1989. Bd. 65. S. 126.

⁵⁹ См.: Heidegger M. *Beiträge zur Philosophie*. S. 126.

По мнению Хайдеггера, *Machenschaft* присутствовало уже в античности. Но там оно, оставаясь скрытым, никогда не являло во всей полноте свою сущность, ибо античность находилась под влиянием “энтелехии”. Впервые *Machenschaft* что называется “выходит из тени” в эпоху средневековья. Средневековое понятие *actus* затеняет первоначальное греческое понимание раскрытия бытия сущего. Теперь *Machenschaft*, по мнению Хайдеггера, обнаруживается явственнее “благодаря роли иудейско-христианского понимания творения и соответствующего представления о Боге, которое способствовало трансформации понимания Бога как *бытия* (*ens*) к его пониманию как бытия творящего (*ens creatum*)”⁶⁰. А также благодаря тому, что Бог, а затем и мир, были сведены к причинному пониманию⁶¹, в соответствии с чем Бог стал трактоваться как “причина самой себя” – *causa sui*⁶².

Итак, *Machenschaft* с онтологической точки зрения есть *Sich-von-selbst-machen*. Последнее понятие можно было бы трактовать как “созидание себя из самого себя” или, не калькируя немецкий, подходящим русским словом – “самосозидание”. Следовательно, хайдеггеровское *Machenschaft* и есть “самосозидание человека”. Никогда до эпохи нового времени, оно еще не приходило к своему господству – *самосознающему самосозиданию*. Придя в такое состояние *Machenschaft* принимает особую форму – подчинения всего сущего этому господству – форму *Gestell*. Следовательно, *Gestell* – это лишь специфическая форма проявления *Machenschaft*!

2.6. ТЕХНИКА КАК *GESTELL*

Если исток технического, техники как способа бытия-в-мире Вотбытия интересовал Хайдеггера уже в 1925 г. – и теперь это едва ли можно аргументированно оспорить, – то сущность современной техники, ее “глобальную природу” Хайдеггер, действительно, анализирует подробно только в работе “*Die Technik und die Kehre*”⁶³, в основание которой положен доклад “*Gestell*”, прочитанный в 1949 г., а также в некоторых других послевоенных работах.

Свое объяснение сущности современной техники Хайдеггер начинает с вопроса о том, в каком отношении находится техника к самой сущности техники. Ведь, например, сущность дерева не есть нечто “деревянное”, отмечает Хайдеггер, следовательно, “...сущность техники также не есть нечто техническое”⁶⁴.

В то же время, техника не есть и нечто *нейтральное*, как полагают многие, связывая ее понимание либо с *техническими средствами*

⁶⁰ См.: *Ibid.*

⁶¹ Позднее, эти же аргументы Хайдеггера воспроизведет, дополнив, Витторио Хёсле (см.: Хёсле В. Указ. соч. С. 146).

⁶² См.: *Heidegger M. Beiträge zur Philosophie*. S. 127.

⁶³ См.: *Heidegger M. Die Technik und die Kehre*. Pfullingen, 1962.

⁶⁴ См.: *Ibid.* S. 5.

вами, либо с человеческой деятельностью, использующей эти средства. Это инструментальное и антропологическое определение техники⁶⁵. Конечно, в технике присутствуют обе эти стороны, и такое определение техники было бы *правильным*. Однако “правильность”, по мнению Хайдеггера, следует считать обоснованной только тогда, когда она ведет к сущности и способу ее обнаружения – истине⁶⁶. А инструментальное определение не приводит нас к этому. Почему? Потому, отвечает Хайдеггер, что мы находимся во власти инструментального определения. Чтобы освободиться от этой власти, нам следует понять, что есть “инструментальное” само по себе. Ведь всякое средство, в сущности, есть то, что приспособлено к достижению определенной цели, ради которой нечто перерабатывается. Здесь и обнаруживается, что действие, совершаемое с некоторой целью, называется *причиной*⁶⁷. Это “деятельная причина”, получившая ранее латинизированное название *causa efficiens*. Именно этот тип каузальности, по мнению Хайдеггера, лежит в основании инструментального объяснения техники. Обращаясь к аристотелевской классификации причин, Хайдеггер говорит, что ни деятельная причина, ни три других никогда, ни у самого Аристотеля, ни у его современников, не понимались в том смысле, которым причинность стала наделяться в сознании нового времени. Для греческого сознания причина это не “то, что делается с чем-то”. Греки понимали под “причиной” – αἰτιον. Но αἰτία нельзя переводить как *causa* или немецким *Ursache*. Ее следует переводить как “*ver-an-lassen*”, что было бы близко русскому “распоряжение”. И всякое такое распоряжение есть “*Her-vog-bringen*”, т.е. “про-из-ведение” или по-гречески – ποιησις (творчество). Но именно так открывается φύσις. “φύσις, – говорит Хайдеггер, – есть тоже ποιησις в высшем смысле”⁶⁸. Про-из-ведение приводит нечто из сокрытости в несокрытость. Поэтому-то “про-из-ведение” есть одновременно и *Ent-bergen* – “рас-крытие”, т.е. как раз то, что греки называли словом ἀλήθεια, а мы называем “истиной”. Следовательно, заключает Хайдеггер, техника не есть *просто средство*, техника – это способ раскрытия⁶⁹. Античная τέχνη поэтому была связана с познанием и способом раскрытия истины, а не “выделыванием чего-то ради некоторой цели”.

Однако античное понимание техники существенно отличается от современного ее “машинного” понимания – *Kraftmaschinentechnik*. Его отличие в том, что последний тип техники основывается на точном естествознании.

⁶⁵ См.: Ibid. S. 6.

⁶⁶ См.: Ibid. S. 7.

⁶⁷ См.: Ibid.

⁶⁸ См.: Ibid. S. 11.

⁶⁹ См.: Ibid. S. 12.

Хотя сам процесс отчуждения человека от природы был длительным, тем не менее, с точки зрения Хайдеггера, решающим событием в нем стало появление философии Декарта. Декарт отождествляет “протяженность” как геометрический образ пространства и “реальное пространство”, т.е. сводит последнее к первому. Это дает ему возможность рассматривать всю “природу”, “помещенную в пространство”, просто как “протяженную вещь” – *res extensa*. “За такой характеристикой природной предметности, – комментирует Хайдеггер, – стоит положение, высказанное в формуле *cogito sum*: бытие есть пред-ставленность”⁷⁰. Именно это редуцирование *природы* к “протяженной вещи”, которая может быть математически обчислена и пред-ставлена, было той предпосылкой и базой, которые “сделали метафизически возможными новоевропейскую машинную технику и с нею – новый мир и его человечество”⁷¹. Следует, конечно, отметить, что на связь сущности техники и естествознания обращали внимание и до Хайдеггера. Например, об этой связи говорил в своих лекциях уже в 1933 г. Ортега и Гассет⁷². Однако никто подобно Хайдеггеру не рассматривал такую связь *онтологически*.

Современная техника, согласно Хайдеггеру, раскрывается во *властном требовании* (*Herausfordern*), обращенном к природе – *поставлять* энергию! Поставлять так, что поток Рейна теперь оказывается встроенным в электростанцию, превратившись в “поставщика давления воды”⁷³.

Какой тип *несокрытости* мы обнаруживаем теперь? Что это за техника, с точки зрения ее сущности?

Все в окружающем мире приводится этой техникой в *наличное состояние* (*Bestand*) как предназначенное к *поставке* чего-то ради чего-то. Главная особенность современной техники заключена в том, что это “наличное состояние” не есть нечто внешнее человеку как противостоящий ему предмет (*Gegenstand*). *Bestand* есть способ осуществления и техники, и самого человека, поэтому *Bestand* как таковой оказывается незаметным. Хайдеггер спрашивает: кто осуществляет эту *поставленность*, делая ее непотаенной? Очевидно, что человек!⁷⁴ Однако, замечает Хайдеггер, как Платон не создавал “идей”, в форме которых человеку в античности открылась сущность сущего, так же точно и современный человек не создает “техники”, в которой ему открывается непотаенное. Современная техника меньше всего есть “дело рук человеческих”⁷⁵.

⁷⁰ Хайдеггер М. Европейский нигилизм. С. 285.

⁷¹ Там же. С.285

⁷² Ortega y Gasset J. Op. cit. P. 93. Ортега и Гассет обращает здесь внимание на связь “техники” и “теории” в XVI в.

⁷³ Heidegger M. Die Technik und die Kehre. S. 15.

⁷⁴ См.: Ibid. S. 17.

⁷⁵ См.: Ibid. S. 18.

Каждый вызов, обращенный к человеку, приготавливает его для *поставленности*. Это “приготовление” настраивает человека на то, чтобы всю действительность привести в наличное состояние. *Вот именно этот приговор (Ausspruch) бытия, который вменяет человеку сосредоточиться на том, чтобы самораскрыться в приведении всего к наличному состоянию, Хайдеггер и называет термином Gestell*⁷⁶. Поставляется все, что попадает в круг растворенного бытийного пространства: природа, недра, космос, наконец, сам человек⁷⁷.

Ge-stell не есть поэтому ни *деятельность* человека, ни *простое средство*, обслуживающее такую деятельность⁷⁸. И вот в этих условиях господства Ge-stell человек возомнил себя “главным действующим лицом” и “творцом” технической цивилизации. Здесь-то его и подстерегает опасность. Ведь в “момент” осознания своего господства над окружающим миром, человек, в действительности, оказывается не видящим самого себя в самом себе, ибо он сам оказывается во власти Gestell⁷⁹.

2.7. ДАННОСТЬ ТЕХНИКИ СОВРЕМЕННОМУ ЧЕЛОВЕКУ

У человека возникает убеждение, что он направляется в истории туда, куда ему заблагорассудится. В действительности, согласно Хайдеггеру, дело обстоит иначе. Приход в современный человеческий мир *господства* техники не был капризом или желанием человека. Не было оно и чудачеством некоторой группы людей. Это было бы поверхностное понимание существа господства “технического”. Наоборот, сам “глобальный план технического овладения бытием” есть событие открытия потаенности бытия. “...За безраздельным торжеством субъекта, – говорит Хайдеггер, – все труднее заметить, что и в новом и небывалом размахе своей деятельности

⁷⁶ См.: Ibid. S.19.

⁷⁷ Г.М. Тавризян так объясняет этот термин: “Gestell – специфический способ обнаружения, лежащий в основе современной цивилизации, связан с той несокрытостью... в соответствии с которой усилиями современной техники реальность приводится к обнаружению единственно в качестве “наличного состояния” (Тавризян Г.М. Указ. соч. С. 122). В. Хёсле дает такое объяснение Gestell: “Притязание, побуждающее человека к тому, чтобы противостоять природе посредством современной техники” (Хёсле В. Указ. соч. С. 142).

⁷⁸ В.В. Библихин перевел немецкое “Gestell” на русский язык как “Постав”.

⁷⁹ Как замечает по этому поводу Отто Пётгелер: “Борьба с угрозой, исходящей от современной техники, приводит к тому, что конечность человека приобретает свое конкретное выражение... Когда наряду с тенденциями в микробиологии обнаруживается холистское направление в макробиологии, которое говорит о единственности жизни и невозможности ее использования... астронавтика указывает человеку на границы его выхождения в космическое пространство (его космическое одиночество. – А.П.)”. (Pöggeler O. Wacht das Rettende auf? Heideggers letzte wege // Kunst und Technik. Gedachtnisschrift zum 100. Geburtstag von Martin Heidegger. Frankfurt a. M., 1989. S. 15.

современный человек тоже всего лишь отвечает на неслышимый вызов бытия”⁸⁰.

*Другими словами, господство техники в современной человеческой цивилизации есть такая данность “бытийного пространства”, которая как “субструктура” перестроила самого человека, сделав его пригодным для господства представленности мира*⁸¹. Но поскольку это опять же “данность”, то она меньше всего как именно “данность” заметна самому человеку. Человек убежден, что это он перестраивает мир. Убежать от такой “техники”, “видоизменить” ее, “придать ей гуманную форму” было бы также наивно, как пытаться изменить свою собственную судьбу: каждое изменение судьбы – судьбоносно! Ведь по отношению к человеческой судьбе нет никакой другой – внешней этой судьбе – судьбы более высокого порядка, в “шкале” которой изменения судьбы, сознательно производимые человеком, были бы заметны. То же самое можно было бы сказать и о времени. По отношению к нему также не существует никаких других “сверхвремен”, на языке (или в шкалах) которых мы могли бы определять замедления или ускорения протекания событий в фиксируемом нами времени. Поэтому человек (“Вот-бытие”), по Хайдеггеру, и есть время⁸².

Вот слова Хайдеггера, сказанные им в “Европейском нигилизме”: “Сейчас обнаруживается то, что Ницше уже метафизически понимал, – что новоевропейская “механическая экономика”, сплошной машиносообразный расчет всякого действия и планирования, в своей безусловной форме требует нового человечества, выходящего за пределы прежнего человека. Недостаточно обладать танками, самолетами и аппаратурой связи; недостаточно и располагать людьми, способными такие вещи обслуживать; недостаточно даже просто овладеть техникой, словно она есть нечто в себе безразличное, потустороннее пользе и вреду, строительству и разрушению, применимое кем угодно и для любых целей.

Требуется человечество, которое в самой своей основе соразмерно уникальному существу новоевропейской техники и ее метафизической истине, т.е. которое дает существу техники целиком овладеть собою, чтобы так непосредственно самому направлять и использовать все отдельные процессы и возможности” (курсив мой. – А.П.)⁸³.

⁸⁰ Хайдеггер М. Европейский нигилизм. С. 309.

⁸¹ Хотя, конечно же, она продолжает перестраивать человека со все возрастающим, по меркам самого человека, ускорением и сегодня.

⁸² Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. С. 205.

⁸³ Хайдеггер М. Европейский нигилизм. С. 285.

2.8. ИТОГИ ГОЛОСА ИЗ МАРБУРГА НА “ВОЗМОЖНОСТЬ ТЕХНИКИ”

1. Бытие открывается через сущее.

2. Мир сущего дан – открыт *внутри* “*бытийного пространства*”.

3. Нововременной человек совершает подмену: заменяет бытие как “воцарение открытого пространства” бытием как “воцарением закрытого в себе, представляющего Я”.

4. Познание отнюдь не главный и не единственный способ связи человека с миром (“бытия-в-мире”). Существуют другие формы “бытия-в-мире”, среди которых видное место занимает техника, которая выступает особым способом обнаружения бытия сущего.

5. Сам мир открывается человеку (Вот-бытию) так, что всякая данность мира есть отсылка к этому же Вот-бытию. Отношение *Вот-бытия к миру* носит, поэтому, характер “озабоченности”. “Бытие к миру” есть “забота”.

6. Окружающий человека мир озабоченности называется “миром труда”. Разрыв естественных связей человека с миром, приводит к “разорванности”. Возникают искусственные заполнители мест разрыва – “технические инструменты” – шире, “техника” как таковая (Machenschaft).

7. Приговор (Ausspruch) бытия, который вменяет человеку сосредоточиться на том, чтобы самораскрыться в приведении всего к наличному состоянию Хайдеггер и называет термином Gestell.

8. Редуцирование *природы* к “протяженной вещи”, которая может быть математически обчислена и представлена, было той предпосылкой и базой, которые “сделали метафизически возможными” новоевропейскую машинную технику и с нею – новый мир и его человечество.

9. *Господство техники в современной человеческой цивилизации есть такая данность бытия, которая перестраивает самого человека, делая его пригодным для господства представленности мира. Техника – это бытийная нужда человека.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, воспроизведем вопрос, вынесенный в заглавие статьи: “Как возможна техника?” Ответ на него и о. Павел, и Мартин Хайдеггер дают одинаковый: *техника возможна как данность бытия, открываемая в “бытийном пространстве” сущего соразмерным ей человеком.* И о. Павел Флоренский, и Мартин Хайдеггер, таким образом, почти одновременно и независимо друг от друга поняли, что *сущность техники коренится не в человеке, а в бытии.*